

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства 8

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

Море и небо. — Прощание с Шербуром. — Мадейра. — Первая прогулка. — Мадейра — госпиталь Европы. — *Salto cavale*. — Ариеры. — Монастырь на горе. — Сани. — *Camera de Lobos*. — Бал вечером. — Большой Курал и Малый Курал. — Тенерифе. — Теория Буха. — Санта-Крус. — Ученый Бертело. — Вильямс и его яхта. — Маскарад. — Тенерифский пик. — Острова Зеленого Мыса. — Карантин. — Штиль. — Акула. — Свечение моря. — Переход через экватор. — Остров Вознесения. — Джорджтаун. — Черепахи. — Опять море 15

С МЫСА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

Мираж. — Саймонстаун. — Малайцы. — Поездка в Кейптаун. — *Masonick hôtel*. — Абрам. — Негры. — Готтентоты. — Музей редкостей. — Бушмены. — Кафры. — Сандили. — Макомо. — Обед. — Капштадтский *Valentino*. — Окрестности города. — Индусы. — Прогулка на Столовую гору. — Констанция и констанцское вино. — Фермеры. 51

МАЛАЙСКОЕ МОРЕ

Переход Индийским океаном. — Шторма. — Течь. — Берега Явы. — Зондский пролив. — *Pepper bay*. — *Thwart the way*. — *Button*. — Сингапур. — Индусы и китайцы. — Европейский квартал. — Китайский город. — Индусская пагода. — Вечер. — Чудная ночь. — Рисование с натуры. — Обитатели Сингапура. — Жонглеры. — Театр индусов. — Мангустаны. — Окрестные острова. — Приют разбойников. — Вампоа и его дача. — Малайский квартал. — Тигр. — Китайский храм. — Недостаток женщин. 87

ГОНКОНГ

I. Город Виктория. — Ночь и гроза. — Прогулка по городу. — Китайцы. — Цирюльник. — Парси. — *Small feet*. — Дети. — Обед у Бауринга. — Купер. — II. Чу-Кианг. — Тигровая Пасть. — Столкновение. — *Newtown*. — Доки. — Кладбище. — Гробницы. — Китайское хозяйство. — Возделывание риса. — Наша жизнь в Вампоа. — Рабочие. — Шампанки. — Чин-Чин. — Воры. — Неприятная картина. — Беглецы. — Болезни. — Тайфуны. — Что делается в Кантоне. — III. Яу-Хау. — Прогулка по Вампоа. — Чайные лавки. — Площадь. — Табачные лавки. — Опий. — Краткая история миссионерства в Китае. — Китайский певец. — Вечер 126

ОТ БУХТЫ СВ. ВЛАДИМИРА ДО АМУРА

Формоза. — Маньчжурский берег. — На мели. — Бухта Св. Владимира. — Ее жители. — Тихая пристань. — Императорская гавань. — Кладбище. — Орочи. — Женьшень. — Лед. — Сахалин. — Каменноугольные копи. — Залив де Кастри. — Амурский лиман. — Амур. — Николаевск. — Оптимисты и пессимисты. — Николаевское общество 175

ИЗ ЭДО

Тайфун. — Рыбаки. — Юкагава. — Эдо. — Чиновники. — Прогулка по городу. — Народ. — Процессии. — Харакири. — Обед. — Нипон-Бас. — Религия японцев и их храмы. — О'сиро. — Побиение камнями. — Торжественный въезд графа Муравьева. — Землетрясение. — Японские лавки. — Японская вежливость. — Женщины. — Гора золотого дракона. — Трагическое происшествие в Юкагаве — Озио и японские эпикурейцы. 204

ТИХИЙ ОКЕАН

I. Сандвичевы острова. — «Лошадиная» широта. — *Diamond hill* и *Punch boll*. — Рифы. — Миссионеры. — Гонолулу. — Канаки. — Общество в Гонолулу. — Похороны. — Милиция. — Казнь. — Вайкики. — Долина Евы. — Пали. — Хула-хула. — Камеамеа IV. — II. Таити. — Впечатление острова. — Помаре. — Папеити. — Хлебное дерево. — Школы. — Поеа. — Роскошь тропической природы. — Папеурири. — Хижина и певичцы. — Папара. — Фатауа. — Бал в *Hôtel de ville*. — Хупа-хупа. — Королева Помаре. — Эймео. — Бухта Папетуай. — Еще раз Таити. 260

ОТ ТАИТИ ДО БУЭНОС-АЙРЕСА

I. Магелланов пролив. — *Mercy*. — *Playa Parda*. — Мыс *Froward*. — *Punta Arenas*. — Гуанаки. — Монтевидео. — Испанки. — Прогулка за городом. — Пароход *Монтевидео*. — II. Краткий очерк истории лаплатских республик. — III. Буэнос-Айрес. — Площадь Виктории. — Гаучо. — Саладеро и матадеро. — Дворец Розаса. — Местечки Бельграно и Исидоре. — Новый президент Бартоломео-Митре. — *Cazuela*. — Общество в Монтевидео. 318

БРАЗИЛИЯ И ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Корвет и клипер. — Памперос. — Остров Св. Екатерины. — Рио-де-Жанейро ночью и днем. — Ботофого. — Тижучо. — Негры и желтая лихорадка. — Поездка в Петрополис. — Итамарати. — *Praya Grande*. — Религиозная процессия. — Дон Педро II. — Бахия. — Нижний город и верхний город. — Публичный сад. — Бомфин. — Маскарад. — Взрыв *Пластуна*. . . . 371

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Достопочтенный читатель!

Именно так, в духе позапрошлого века, хочется обратиться к тем, кто держит в руках эту книгу. Ее автор — русский врач, общественный деятель, путешественник, литератор, художник, коллекционер, историк искусства эпохи Возрождения, и сам он — фигура поистине ренессансная. Его биография необычайно интересна и заслуживает отдельной книги, которая, надеюсь, будет когда-то написана. Пока же коротко расскажем о жизни автора, чтобы представить его читателю.

Алексей Вышеславцев родился 23 мая 1831 года в имении Караул Кирсановского уезда (ныне — Инжавинский район) Тамбовской губернии, принадлежавшем его деду. Он происходил из старинного дворянского рода: отец — Владимир Сергеевич Вышеславцев, мать — Наталья Ивановна, урожденная Сабурова. Родительский дом в деревне Волхонщина был островком европейской культуры в российской глубинке: французские гравюры, итальянские пейзажи, множество книг на европейских языках. Мальчик впитал эту атмосферу и вырос настоящим эрудитом и космополитом, при этом не отрываясь от родных корней. Судя по количеству ассоциаций и цитат, автор «Очерков» чувствует «своей» европейскую культуру, однако та теплота, с которой он сравнивает увиденных характерных персонажей с бессмертными гоголевскими образами, свидетельствует, что перед нами истинно русский человек, болеющий за судьбу своего народа.

Окончив Тамбовскую губернскую гимназию, Вышеславцев поступил в Московский дворянский институт — закрытое учебное заведение для детей дворян, размещавшееся в доме Пашкова, — а затем — на медицинский факультет Московского университета. По завершении курса он был назначен военным врачом в Полтавский пехотный полк, принял участие в Дунайском походе, а в 1855-м стал участником Крымской войны, спасая раненых на Камчатском люнете у Малахова кургана. Его очерки о тех героических — и трагических — событиях («6 июня в Севастополе», «Сутки на Малаховом кургане», «Севастополь в последние

месяцы осады» и др.) были опубликованы в «Современнике» и «Русском вестнике».

В июле 1857 года в жизни Вышеславцева происходит удивительное событие: в качестве военного врача он отправляется в кругосветное путешествие на клипере «Пластун». Корабль, ставший плавучим домом для доктора на целых три года, также достоин того, чтобы рассказать его биографию. Стоит коротко описать и проделанный им путь в контексте происходивших политических и военных событий, которые автор, будучи их современником, не поясняет читателю. (Следует также отметить, что главы книги — это действительно отдельные очерки, и порой понять последовательность событий непросто.)

«Пластун» — шестипушечный парусно-винтовой клипер Российского Императорского флота — был одним из первых в России паровых судов-крейсеров (всего их было шесть: «Разбойник», «Стрелок», «Джигит», «Пластун», «Опричник» и «Наездник»). Как и остальные корабли, «Пластун» был заложен в Архангельске 5 января 1856 года. Спуск на воду состоялся 23 июня. Команды клиперов были укомплектованы из моряков-черноморцев, участвовавших в обороне Севастополя. Среди них окажется и доктор Вышеславцев.

После поражения в Крымской войне Россия, лишившись права иметь флот на Черном море, начала проводить активную внешнюю политику на Дальнем Востоке. Готовился договор с Китаем о разделе сфер влияния на Амуре, также требовал решения сахалинский вопрос: Россия и Япония владели островом сообща, а попытки разграничить сферы влияния заводили в тупик. Чтобы укрепить позиции России в регионе, было решено посетить наши порты на Тихом океане, а также «продемонстрировать флаг» у китайских и японских берегов. В 1857 году на Дальний Восток России отправился первый Амурский отряд винтовых судов. Его возглавил капитан первого ранга Д. И. Кузнецов. Это было одно из первых долгих плаваний к устью Амура.

19 сентября 1857 года первыми в плавание вышли «Пластун», «Стрелок» и «Джигит». Следуя по Атлантическому океану к мысу Доброй Надежды, корабли посетили острова Мадейра, Тенерифе, Зеленого Мыса и Вознесения. Высадившись на Юге Африки, в Саймонс-Бэй, путешественники побывали в Кейптауне и его окрестностях. После пополнения запасов корабли покинули рейд 25 мая 1858 года, планируя пройти Индийский океан по дуге Великого Круга, но из-за усилившейся течи на «Пластуне» пошли по параллели $37^{\circ}30'$ и 8 июля прибыли в Сингапур.

23 июля отряд отплыл в Гонконг, где Кузнецов получил распоряжение от вице-адмирала графа Е. В. Путятина отправить клиперы «Стрелок» и «Пластун» к берегам Китая, в Печилийский залив, а самому идти в Японское море, в залив де Кастри (ныне залив Чихачева).

Но «Пластун» из-за неисправностей был отправлен в док Вампоа для их устранения. Вампоа он покинул 21 сентября и направился в заливы Святого Владимира и Святой Ольги — земли, недавно приобретенные Россией по Айгунскому договору, — откуда 12 ноября ушел в японский порт Хакодате на ремонт и зимовку. Ровно через пять месяцев, 18 апреля 1859 года, «Пластун» вернулся в залив Святой Ольги. Весной экипажем клипера были произведены гидрографические работы и описание побережья от Императорской (ныне Советская) гавани до залива де Кастри. Члены команды побывали, разумеется, и на Сахалине, посетив в том числе русский город Николаевск-на-Амуре, основанный в 1856 году. Экипаж «Пластуна» внес большой вклад в изучение края — его именем названы несколько географических объектов на побережье Японского моря.

Кульминацией путешествия стала поездка генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского (титул «Амурский» он получил за подписание 16 мая 1858 года Айгунского договора с Китаем, выгодного для России) в Эдо (так тогда называлась японская столица) на пароходо-корвете «Америка». В сопровождение ему в числе прочих судов был определен «Пластун». Эскадра Муравьева отбывала из Хакодате. Она прибыла в Эдо 5 августа 1859 года и находилась там всего три недели, до 24 августа, но впечатления этих дней стали для Вышеславцева, пожалуй, самыми яркими за все плавание. Доктор был в восторге от Японии. Не омрачило его настроения и то, что русские были там встречены не очень дружелюбно, а миссия Муравьева на этот раз потерпела неудачу, и сахалинский вопрос так и остался нерешенным.

Эскадра снова отбыла в Хакодате, где клипер стал на ремонт, а в начале ноября 1859 года «Пластун», «Новик» и «Рында» в составе отряда боевых кораблей под командованием капитана первого ранга А. А. Попова покинули Японию, где провели целый год, и отправились в обратный путь через Тихий океан. Этот маршрут тоже занял почти год. Эскадра посетила Сандвичевы острова, Гавайи, Таити. Миновав Магелланов пролив, она остановилась в Монтевидео, где на «Пластуне» был произведен ремонт для устранения течи, а доктор Вышеславцев был переведен на корвет «Новик», что впоследствии спасло ему жизнь. Затем клипер побывал в Бразилии и, направляясь домой, на Балтику, пересек Атлантический океан.

Во время путешествия «Пластун» пережил многое — штормы, мели, тайфуны, штили и течи. Однако 18 августа 1860 года бывалый клипер, уже близ родных берегов, внезапно, в течение двух минут, затонул после взрыва порохового погреба на расстоянии 17½ морской мили на юго-восток от маяка Форе в Балтийском море, к востоку от острова Готланд.

Погибли 75 членов экипажа, 35 выжили. Очевидно, потрясение доктора Вышеславцева, наблюдавшего с корвета «Новик» гибель товарищей, было так велико, что он буквально оборвал свои записи на этом трагическом событии...

Вышеславцев возвратился в Кронштадт, совершив полное кругосветное плавание. В течение всего путешествия он вел дневник и зарисовывал наиболее интересные места, пейзажи, этнографические типы жителей разных стран, особенности их быта. Доктор начал обрабатывать свои путевые заметки, чему способствовал уже приобретенный литературный опыт. В 1860—1861 годах в журнале «Русский вестник» были напечатаны письма Вышеславцева из Японии, подарившей ему самые яркие впечатления. В 1862 году в издательстве Морского министерства выходят «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах», содержавшие 23 рисунка автора, литографированных петербургским мастером Полем Пети. Вышеславцев приобрел известность в литературных кругах. К его труду проявил интерес самый влиятельный издатель Маврикий Осипович Вольф, публиковавший этнографические и географические журналы, который объединял вокруг себя космополитов. В 1866 году Вольф выпустил «Очерки пером и карандашом», но без иллюстраций, а в следующем году переиздал «Очерки» 1862 года с 23 литографиями. Книги мгновенно расходились. Однако в конце 1860-х годов политическая ситуация в России изменилась, идеи космополитов стали вызывать недовольство во властных кругах. Задуманное полное издание «Очерков» большим форматом так и не было осуществлено.

Это, конечно, вызывает большое сожаление, ибо несомненными достоинствами обладает не только текст книги, но и ее художественное оформление, и их нельзя воспринимать по отдельности. Очевидно, это понимал и сам автор, давая ей название. Карандашом Вышеславцев изображал портреты отдельных, наиболее колоритных, персонажей, а пером — психологические портреты целых народов. Его заметки как врача и тонко чувствующего художника, а также чрезвычайно эрудированного человека с обширными историческими познаниями и способностью к системному мышлению находятся на стыке этнографии и психологии, этнографии и медицины, этнографии и ботаники, а его рисунки сегодня мы могли бы отнести к визуальной антропологии. Хочется верить, что наследие Вышеславцева еще будет востребовано как этнографический источник.

Петербуржцы высоко оценили яркие описания жизни малоизвестных народов. Вышеславцев одним из первых разрушил западноевропейское клише, согласно которому народы разделялись на развитые и неразвитые. Так, он писал о богатой духовной жизни японцев, кото-

рой европейцы просто не знали, об их уникальном национальном юморе. По оценке М. Соловьева, известного искусствоведа того времени, Вышеславцев «первым из русских обратил должное внимание на оригинальное и высокое искусство японцев... первый привез в Европу образцы японской живописи и альбомы...»

Исторические экскурсы Вышеславцева могут показаться читателю суховатыми, в особенности на фоне ярких и эмоциональных описаний морских приключений, местных происшествий и культурных событий, географических и ботанических особенностей экзотических стран. Однако поражает его широкая эрудиция, способность к историческим обобщениям (например, сопоставление рабства в США и крепостного права в России) и анализу, независимость мышления и смелость прогнозов. В комментариях по поводу новейших научных открытий и гипотез автор подчеркивал, что нередко европейские гипотезы мирового развития рассыпались в прах при столкновении с действительностью.

Но, думается, «Очерки» стали столь популярны не только из-за нового и живо поданного материала. Обаяние самого автора настолько велико, что поневоле становишься его спутником в этом путешествии — участвуешь в веселых пикниках и пышных официальных трапезах, терпишь шторм, мучаешься от морской болезни, из последних сил карабкаешься на гору, чтобы полюбоваться прекрасным видом, посещаешь винодельню, нежишься в гамаке под пальмой, бродишь по узким восточным улочкам, провожаешь взглядом хорошенькую японку... Доктор был человеком необыкновенно позитивным и располагающим к себе жителей всех континентов, какого бы цвета ни была их кожа. На всех он смотрел без превосходства, с большой любовью, даже тогда, когда обличал их коллективные пороки и слабости, но не так ли поступает хирург, вскрывая нарывы?..

После кругосветного путешествия Вышеславцев, ступив на твердую землю, вышел в отставку и вернулся домой, в Тамбов. Очевидно, утолив на время «охоту к перемене мест», он подолгу жил в имении родителей. Занялся Алексей Владимирович также делами земельными, активно включившись в развернувшиеся в стране Великие реформы. С 1861 по 1863 год он был мировым посредником в Тамбовском уездном земстве, которое возглавлял его брат Л. В. Вышеславцев. Эта должность возникла в Российской империи в период отмены крепостного права для улаживания поземельных отношений между помещиками и крестьянами и надзора за крестьянскими учреждениями. Позже Алексей Владимирович управлял Черниговской и Одесской, а также Варшавской контрольными палатами — новыми местными органами власти. Активная общественная деятельность, очевидно, пошатнула его здоровье,

и после лечения в Италии в 1876 году он вышел в отставку и окончательно вернулся в Тамбов.

Избрав для себя поприще служения людям, Вышеславцев никогда не оставлял и служение музам. Оставаясь тамбовским доктором и занимаясь крестьянскими делами, он изучал живопись и занимался ею сам. Его деятельная, кипучая натура постоянно находилась в поиске, оставаясь при этом цельной. Эту цельность Вышеславцеву давало христианство. Путешествуя по Италии, Греции, Турции, он впитывал христианскую культуру Византии и Возрождения, чтобы потом поделиться ею со своими современниками — и с нами. Знания Вышеславцева по истории искусства вообще и итальянского искусства в частности были очень обширны. Он много работал, стремясь, очевидно в предчувствии ранней кончины, быстрее завершить свои труды.

Умер А. В. Вышеславцев 24 апреля 1888 года в Волхонщине, похоронен в семейной усыпальнице в некрополе мужского монастыря во имя Казанской иконы Божией Матери в Тамбове.

Алексей Владимирович занимался коллекционированием; его собрание гравюр, скульптур и картин, а также искусствоведческие работы были, согласно его завещанию, переданы Нарышкинской особой библиотеке. На основе этой коллекции при библиотеке был организован Художественный отдел, преобразованный после 1917 года в Художественный музей. Художественно-историческая библиотека Вышеславцева была передана Тамбовской народной читальне.

А. В. Вышеславцев написал несколько книг по истории искусства («Между храмов и развалин», 1880; «Джиотто и Джиоттисты», 1881; «Искусство Италии. XV век. Флоренция», 1883; «Умбрия и живописные школы Северной Италии в XV столетии», 1885), а также полную биографию Рафаэля, которая была издана уже после смерти автора.

Заслуги Вышеславцева как художника также значительны, в частности ему было присвоено звание почетного члена Академии художеств. Интересно, что он был не только прекрасным рисовальщиком, как мы можем убедиться, листая эту книгу, но и выдающимся художником интерьеров, причем сам воплощал в жизнь свои проекты, используя нетрадиционные техники. Вот что говорят современники о созданном им интерьере домового храма Елизаветинского приюта для неизлечимых больных, основанного в Тамбове его братом Львом: «...Вся обстановка ее отличается блеском и изяществом. Искусная резьба иконостаса... гармонирует с художественной иконописью и роскошью церковной утвари... Не говоря уже об образах, художественно исполненных Алексеем Владимировичем Вышеславцевым посредством выжигания». Художник был истинно верующим человеком, Тамбовский епископ Виталий говорил, что «неземной характер храма... отпе-

чатлеваются особенно выразительным образом на иконостасе и Царских вратах, которые... действительно были изображены накануне преждевременной кончины своего делателя».

Сегодня «Очерки пером и карандашом» — подлинная библиографическая редкость. Немногие экземпляры этой книги находились в частных собраниях. В коллекции А. П. Бахрушина (основная часть ее была передана в Государственную историческую библиотеку, а часть осела в фондах Румянцевского музея — ныне РГБ) сохранилось издание «Очерков» 1867 года. Один из экземпляров этого издания также сохранился в фондах Научной библиотеки Русского географического общества в Санкт-Петербурге, благодаря чему вы держите в руках эту книгу. Дошел до нашего времени и оригинальный «Альбом рисунков» Выше-славцева — всего их 84. Надеемся, что когда-нибудь все они увидят свет. Пока же будем наслаждаться «Очерками пером и карандашом» и вместе с их автором отправимся в кругосветное путешествие.

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

Море и небо. — Прощание с Шербуром. — Мадейра. —
Первая прогулка. — Мадейра — госпиталь Европы. —
Salto cavale. — Ариеры. — Монастырь на горе. — Сани. —
Camera de Lobos. — Бал вечером. — Большой Курал и Малый
Курал. — Тенерифе. — Теория Буха. — Санта-Крус. —
Ученый Бертелло. — Вильямс и его яхта. — Маскарад. —
Тенерифский пик. — Острова Зеленого Мыса. —
Карантин. — Штиль. — Акула. — Свечение моря. —
Переход через экватор. — Остров Вознесения. —
Джорджтаун. — Черепахи. — Опять море

Ein sanfter Wind vom blauen Himmel weht...¹

Мы в море, в океане, — наконец! Кругом вода и небо, земля исчезла. Я испытываю знакомое ощущение. Как будто вырвался из душного города в чистое поле, в степь; мне стало так легко, так весело, я вздохнул так свободно, когда клипер вынес нас на всех парусах из Ла-Манша в Атлантический океан. Плимут, видневшийся вдаль, был последним европейским городом, мыс Лизард — последним европейским берегом.

«Море и небо, и больше ничего», — говорили прежние мореплаватели, гадательно смотря в неизвестную даль, где линия морского горизонта сливается с небом. Область исследованного и узнанного была тогда очень ограничена, и нужна была отвага, почти героизм, чтобы довериться беспалубному судну и прихоти ветров и погоды. Тогда глубь моря населялась левиафанами и морскими змеями, воображение до того настраивалось вечным ожиданием чудесного, что некоторые действительно видели и описывали этих змеев, составляя об этом акты за подписью всего экипажа, для совершенной достоверности показаний; ви-

¹ Строка из стихотворения И. В. Гёте «Песня Миньоны». — *Прим. ред.*